

Творцы и мыслители

М.А. Салганик

Махатма Ганди: паломничество к Истине

Чем дальше уносит от нас река времени этого человека, тем труднее различать его реальный облик в быстро сгущающемся сумраке прошлого. Что делать, красивая фраза о ветре времени и следах на песке истории, в общем-то, верна. Махатма Ганди много рассказал о себе сам – с беспощадной откровенностью; очень много писали о нем другие, и почитатели, и противники, и скептики. Но он как был загадкой при жизни, так и остался загадкой по сей день.

На самом деле ключ к загадке личности Ганди прост. Им только воспользоваться трудно – надо суметь поверить в его абсолютную правдивость. Альберт Эйнштейн, современник Ганди, сказал о нем: «Придет время, и будет трудно поверить, что такой человек из плоти и крови ступал по этой земле».

Со дня его гибели прошло шесть десятилетий – средний срок человеческой жизни, но за это время в мире произошли колоссальные и многообразные перемены. Можно сказать, что Ганди стоял у истоков перемен: он привел Индию к независимости, которая стала началом процесса глобальной деколонизации. Сам Ганди видел в освобождении Индии не конечную цель своей борьбы, а только первый шаг к созданию ненасильственной цивилизации... Нынешний мир отнюдь не приближается к идеалам Ганди, Индия тоже следует не его заветам.

Редакция благодарит доктора Митали Саркар, сотрудника библиотеки Отдела информации Посольства Индии в РФ, за помощь в оформлении статьи.

Ровесник независимости Индии, «дитя полуночи» Салман Рушди написал: «Это он, один только он сумел трансформировать требование независимости в общендийское массовое движение, поднявшее все классы общества против империалистов, но свободная Индия появилась на свет разделенной и нацеленной на программу модернизации и индустриализации, она не была Индией его мечты. Его былой соратник Неру был последовательным поборником модернизации, и в конечном счете – может быть, неминуемо – предпочтение получила мечта Неру, а не Ганди». Индия, разумеется, высоко чтит Махатму: его имя постоянно на слуху, его портреты везде на виду, но официальная идеология свободной и сильной Индии вполне преуспела в трансформации образа этого поразительного человека в слащавую иконку.

...А ведь говорил когда-то Неру: слишком он великий человек, чтобы его обожествлять. Рушди добавляет: «Самая же суровая правда заключается в том, что он все менее важен той стране, чьим дорогим отцом – Бапу – он был».

Тем не менее при техническом и экономическом развитии страны, ставшей ядерной державой, совершившей прорыв в области высоких технологий и нарастившей огромный научный потенциал, в массовом сознании Индии, в психическом складе индийцев сохраняется та традиционная философия жизни, которая легла в основу системы взглядов Ганди. Ганди мог сформироваться только в Индии.

Он исходил из индуистского постулата о том, что насилие – в любой форме – есть проявление животного начала в человеке; ненасилие же, *ахимса*, – это способ совершенствования человека, проявления Бога в себе. Иными словами, ненаси-

Мохандас Ганди в возрасте семи лет

лие – это вечная истина, вечный закон, которому человек обязан следовать в своей повседневной жизни, личной и общественной. Это его религиозный долг.

Он утверждал, что индивидуальное совершенствование и совершенствование общества неразделимы. Это аспекты единого процесса: совершенствуясь, человек служит обществу, общественному совершенствованию, что, в свою очередь, помогает совершенствоваться индивиду. *Служение* – одно из главных слов его лексикона. Служение Богу через служение людям: своему народу, всему человечеству, ибо «вселенная начинается от твоего порога». Ганди не раз говорил, что в его жизни переломным моментом было осознание того, что Истина и есть Бог.

Он писал: «Я не признаю иного Бога, кроме Того, которого должно найти в сердцах глухих миллионов людей. Они не сознают Его присут-

♦ Дом в Порбандаре, где родился Махатма Ганди

ствия, а я знаю это. И я поклоняюсь Богу, который есть Истина, как Истине, которая есть Бог, через служение этим миллионам».

Своей книге он дал название «Автобиография, или История моих экспериментов с Истиной». Прощаясь с читателями в последней главе, Ганди говорит: «Для того, чтобы созерцать всеобщий и вездесущий Дух Истины, надо уметь любить такие ничтожнейшие создания, как мы сами. И человек, стремящийся к этому, не может позволить себе устраниваться ни от какой сферы жизни. Вот почему моя преданность Истине привела меня в сферу политики; и без малейшего колебания и вместе с тем со всем смирением я могу сказать, что тот, кто утверждает, что религия не имеет ничего общего с политикой, не знает, что такое религия».

Неспешное чтение этой поистине великой книги, повествования о паломничестве к Истине, которое оборвала только его гибель, позволяет приблизиться к пониманию того, кем он был. И почему он Махатма.

В его детстве и юности не было никаких предвестий будущего величия: он не проявлял ни феноменальной религиозности, ни феноменальной одаренности, ни особых способностей, ни даже прилежания. Заурядный. С заурядными устремлениями. И заурядным невезением. Налицо все предпосылки для биографии неудачника.

Биография неудачника

Второго октября 1869 года Путлибай, четвертая жена Карамчанда Ганди, родила сына, которому дали имя Мохандас.

Семья не была ни знатной, ни богатой: *модх-ганди* – подкаста бакалейщиков; прадед Мохандаса и занимался бакалейной торговлей. Дед выбился в люди – стал министром *раны* маленького княжества Порбандар в Западной Индии. Министром был и отец. Звучит солидно, но таких княжеств размером с носовой платок было в тех местах сотни три, так что ни богатства, ни влиятельности министерский пост не давал.

Щупленький, боязливый Мохан плохо учился в школе, насилу одолел таблицу умножения, в старших классах мучился с английским, из-за робости и застенчивости мало участвовал в играх сверстников. Может быть, именно поэтому в школе его кумиром стал сильный, задиристый мальчишка-мусульманин. Тот и уговорил Мохана попробовать мяса. Резон он выдвинул, можно сказать, политический: индийцы потому слабые, что мяса не едят, а вот англичане едят, поэтому они и правят нами.

Попытка сравняться с англичанами при помощи мясоедения закончилась печально – бедному Мохану казалось, что козленок блеет в его животе,

да еще мучила совесть перед матерью за вкушение запретной пищи. Совесть часто мучила его...

Впрочем, Джордж Оруэлл написал: «На фронтистисе книги Ганди сфотографированы пожитки, оставшиеся после его смерти. Всю кучку можно бы купить фунтов за пять. Все грехи Ганди, во всяком случае, его плотские грехи, собранные вместе, походили бы на нее. Парочка сигарет, кусочек мяса, несколько медяков, в детстве украденных у служанки, два захода в бордели (откуда в обоих случаях он убежал, “ничего не сделав”), один взрыв ярости – вот, пожалуй, и вся коллекция».

Как принято в ортодоксальных индусских семьях, Мохандас был обручен в семь лет. В тринадцать лет школьника Мохандаса женили на Кастурбе, его ровеснице; в семействе Ганди появились «женатые дети». Невзрачный и слабосильный тихоня оказался пылким любовником, в нем пробудилась «всепожирающая страсть». Вождеделение

М. Ганди с женой Кастурбой после возвращения в Индию. 1915

к женщине не оставило его даже у постели тяжело больного отца, и как только его сменил дядя, Мохан опрометью бросился к жене и не сразу смог оторваться от нее, когда в дверь застучали с известием о смерти отца. Случившееся в ту ночь оставило глубокий след в душе подростка, «Пятно, – писал Ганди в “Автобиографии”, – которое я не смог ни стереть, ни забыть. Я думал, что моя преданность родителям беспредельна, но она оказалась недостаточной, потому что ум мой был во власти похоти. Поэтому я всегда считал себя похотливым, хотя и верным мужем. Я очень долго не мог освободиться от оков похоти, и мне пришлось вынести много мук, чтобы преодолеть ее».

В 37 лет он примет обет *брахмачари*: отказ от владения собственностью, отказ от половых сношений и строгое вегетарианство.

...Мохандас окончил школу, поступил было в колледж, но колледж ему не нравился – и никак не давался английский язык. Так что он с радостью ухватился за идею друга семьи: уехать в Лондон учиться на барристера – адвоката с правом выступать в суде. Денег не было, но старший брат, рассудив, что с лондонским дипломом Мохандас наверняка сможет прокормить семью, влез в долги, чтобы заплатить за обучение. Сначала противилась мать, но сын уговорил ее, поклявшись в Лондоне не прикасаться к спиртному, женщинам и мясу. Ради Лондона он готов на все, его не останавливает даже страшная для индуса кара – отлучение от касты советом старейшин.

4 сентября 1886 года Мохандас Карамчанд Ганди отплывает в Англию. Ему восемнадцать лет. Кастурба только что родила первенца.

Нельзя судить о Ганди вне пространства и времени его жизни. Запрещается. Объектив расфокусируется, изображение окажется смазанным.

Ганди появился на свет через каких-то десять с небольшим лет после разгрома Сипайского восстания, из которого колонизаторы извлекли урок; начали воспитывать из молодых индийцев новую элиту, интеллектуально близких себе «темнокожих сахибов» – с немалым успехом.

Ганди вступал во взрослую жизнь в пору расцвета Британского Раджа, когда тот выглядел неколебимым, вечным, и не случайно образованная элита Индии связывала с Англией надежды на будущее своей страны, на ее прогресс. Парадокс заключался в том, что именно из этой элиты выйдут те, кто позднее возглавит борьбу за освобождение Индии от колониальной зависимости.

А Ганди, и только он один, соединит элиту с темными и забитыми деревенскими массами, которые сумеет поднять на борьбу за свободу. К тому времени у него уже не останется иллюзий в отношении благотворной роли Империи для его родины.

Вещи Ганди

Что с такой силой влекло юного индийского провинциала в далекий Лондон? По его собственным словам, «главным образом, амбиции... Я говорил себе, что если попаду в Англию, то не только стану барристером (я был высокого мнения об этой профессии), но еще увижу Англию, страну философов и поэтов, само сердце цивилизации».

Жажда приобщиться к этой цивилизации, он, едва устроившись – и отыскав вегетарианский ресторан, – заказал себе модный костюм на Бонд-стрит, приобрел цилиндр, записался на курсы бальных танцев и французского языка. Даже скрипку себе купил и стал брать уроки музыки. На его-то средства... Но ему так важно предстать перед англичанами в цивилизованном облике! Ганди пока еще боится быть смешным.

«Полезно вспомнить, – писал Джордж Оруэлл, – что начинал Ганди с нормальных амбиций молодого индийца-студента, и только позднее и постепенно, а в некоторых случаях и неохотно занимал свои экстремальные позиции...»

Впрочем, фазу дендизма Ганди миновал довольно скоро: продал от безденежья скрипку и всерьез взялся за юриспруденцию и английский. Трехлетнее пребывание в Лондоне сыграло немалую роль в формировании молодого Ганди, расширило его кругозор и мир.

Ирония судьбы: Ганди, не употребляющий мясное просто по обычаю своей веры, в Лондоне знакомится с литературой по вегетарианству, вникает в его научные и этические обоснования, увлекается диетическими экспериментами – на них он

все зубы потерял, отнюдь не в переносном смысле. Поисками правильной диеты Ганди будет заниматься всю жизнь. Он превращает их в культ, в часть своей религии, относится к ним не менее серьезно, чем к политике.

Выросший в религиозной семье, он впервые осознает величие и глубину Бхагават-гиты через английский перевод Эдвина Арнольда. И записывает: «Я по-новому увидел жизнь... Я верил, что наконец нашел свет, в котором нуждался». В Лондоне он открывает для себя Толстого, с ним он потом вступит в переписку, создаст Толстовскую ферму в Южной Африке. Он встречается с Е.П. Блаватской и с Анни Безант, с удовлетворением отмечает, что вера его предков увлекает европейцев, однако вежливо отклоняет предложение вступить в Теософическое общество. Зачитывается жизнеописаниями Будды и Мохаммеда, а Нагорная проповедь сразу и на всю жизнь вошла в его сердце.

Позднее в нем созреет понимание, что «все религии – ветви одного могучего дерева: все они в равной мере истинны...». Что касается религиозных ритуалов, то они не от Бога, а от людей. Поэтому он будет говорить: «Подлинная вера предполагает равное уважение всех религий. Было бы высочайшим проявлением нетерпимости – а нетерпимость есть разновидность насилия – предполагать, что чья-то религия совершеннее, чем религия других». Сдав экзамены и получив разрешение заниматься адвокатской практикой, он на следующий же день отправился на родину – «с каплей надежды, смешанной с отчаянием».

Старший брат возлагал большие – и нетерпеливые – надежды на возвращение младшего с английским дипломом и убедил брата пройти церемонию очищения от иноземной скверны. Младший, хоть и неохотно, все же согласился, но возвращение в касту делу не помогло: в захолустном Раджкоте работы для него не нашлось. Семейный совет принял решение отправить Мохандаса в Бомбей, где ему не повезло по другой причине: в столице президентства оказалось немало юристов с английскими дипломами и с опытом судебной практики, которого у него не было. А когда Мохандасу досталось незначительное дело, он провалил его из-за своей болезненной застенчивости – не смог выговорить ни слова в суде.

Пришлось возвращаться в Раджкот и работать просто судебным писарем, писать заявления и прошения – это ему-то, человеку с амбициями, с иностранным дипломом. И с невыплаченными долгами. Ганди был подавлен, не видел никаких перспектив на будущее. Но тут в дверь постучалась Судьба.

Ганди предложили работу в Южной Африке. Тамошнему бизнесмену-индийцу срочно требо-

Адвокат Мохандас Ганди. 1907

вался адвокат, и его местный компаньон порекомендовал Ганди. «Меня приглашали скорее в качестве служащего фирмы, чем адвоката. Но мне почему-то хотелось уехать из Индии. Меня привлекала возможность увидеть новую страну и приобрести опыт. Я смог бы также высылать брату 105 фунтов стерлингов и помогать ему в расходах на хозяйство. Не торгуясь, я принял предложение и стал готовиться к отъезду в Южную Африку».

Упорство в истине и красота компромисса

Итак, в 1883 году 24-летний самолюбивый адвокат мистер Ганди приехал в Дурбан в надежде заново начать карьеру в Южной Африке. Он был готов трудиться, набираясь опыта, и зарабатывать на достойную жизнь себе и своей семье в Индии. Совершенно не готов он был к столкновению с расизмом – даже представить себе не мог, что в британской колонии могут существовать порядки, воспринятые им как антитеза законодательству Великобритании, которое он изучал и глубоко уважал. А в Южной Африке белое меньшинство просто не считало людьми африканцев и индийцев. В этих краях любого индийца, кем бы он ни был, именовали *кули*.

Что значит быть *кули*, Ганди узнал буквально через неделю после прибытия в Африку, когда его отправили в командировку в Преторию – в то вре-

мя это была столица бурской республики Трансвааль. Тщательно одетый, с билетом первого класса сел Ганди в поезд – и среди ночи был вышвырнут на полустанке без пальто и без багажа, потому что белого пассажира возмутило присутствие кули в купе. Ганди утверждал, что этот случай изменил все течение его жизни. В «Автобиографии» он писал: «Я боялся, что меня убьют. Вошел в темное помещение станции и увидел, что там сидит белый. Его я тоже испугался. Что я должен сделать, спросил я себя, вернуться в Индию, или остаться здесь, положась на волю Бога, и смело встретить все, с чем придется столкнуться? Я решил остаться и страдать. Это и было началом моего активного непротivления злу насилеием».

За этим инцидентом последовал другой – белый кучер вышвырнул Ганди из дилижанса и избил его так, что заступились другие пассажиры. Как же поступает Ганди? Он пишет письма протеста в транспортное управление, пишет письма в газеты. Добравшись до Претории и выполнив поручение фирмы, созывает собрание индийской общины. Чудо из чудес – застенчивость как рукой сняло, он выступает с яркой речью, но не протестует против расовой дискриминации, а призывает соплеменников на деле доказать высокие достоинства индийцев: проявлять честность в бизнесе, чистоплотность в образе жизни, а самое главное, действовать сообща, невзирая на религиозные, кастовые и прочие различия. Это важно, подчеркивает Ганди, не только для самой общины, но и для всей Индии, ибо по общине будут в чужой стране судить обо всем индийском народе. И предлагает организовать ассоциацию, чтобы защищать общие интересы всех индийцев в Южной Африке. В прессе появляются сообщения о его речи – весьма насмешливые, чтобы не сказать издевательские.

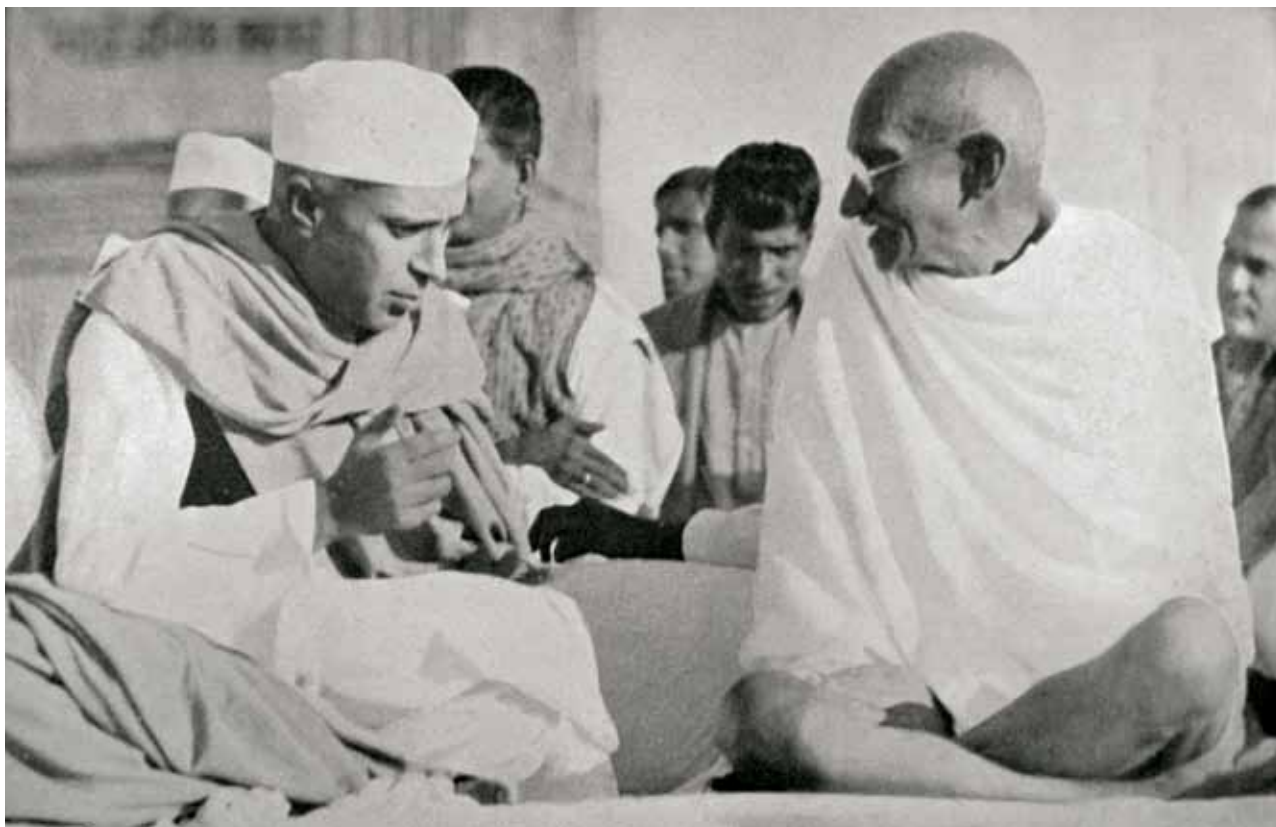
«Сначала тебя не замечают, потом смеются над тобой, затем борются с тобой. А потом ты побеждаешь», – будет говорить Ганди о своей политической работе в Южной Африке. Волей судьбы Южная Африка, «Богом забытый континент, где я обрел Бога», стала чем-то вроде полигона, где он впервые опробовал ненасильственные методы борьбы и впервые употребил для их названия слово *сатьяграха*: упорство в истине. Вначале Ганди называл это пассивным сопротивлением, потом позаимствовал у Торо термин *гражданское неповиновение*, но и этот термин не соответствовал его позитивной концепции *сопротивления с любовью и правдивостью*, и Ганди остановил свой выбор на сатьяграхе.

Решения Ганди принимал интуитивно – например, идея *харталя* пришла к нему во сне, – однако в жизнь их проводил рационально и в высшей степени практично. Практичный визионер. Будучи

адвокатом не только по образованию, но по самой природе своего мировоззрения, он всегда стремился найти общий язык с оппонентом, убеждая его в справедливости и законности своих требований, взывая к тому доброму, что есть в душе каждого человека, – во что он свято верил. Врагов для него не существовало по определению, выражение «разбить врага наголову», даже фигурально, в корне противоречило вечному закону ненасилия. «Красота компромисса» – великая формулировка Ганди, увы, слишком часто толковавшаяся не в его пользу. Что такое «компромисс» по Ганди? Все то же упорство в истине, требующее неустанного поиска взаимопонимания сторон. От *сатьяграхинов* требовалось не просто непротivление, а недопущение враждебных мыслей по отношению к противнику.

Ганди-сатьяграхин. Южная Африка

Джавахарлал Неру и Махатма Ганди. Вардха, февраль 1942 г.

Адвокатская практика, в которой он преуспевал, и напряженная политическая деятельность сочетались у Ганди с развитием его внутренних ресурсов: с постоянным самосовершенствованием. От себя он требовал абсолютной правдивости в каждом помысле, слове и поступке. Себя он судил строже всего.

Немецкий философ Карл Ясперс в статье о Ганди писал, что этот пророк ненасилия исповедовал насилие наихудшего рода – моральное; однако его оправдывает то, что начинал он с самого себя.

Действительно, во всех случаях жизни Ганди прежде всего искал вину в себе. Но по отношению к близким или тем, кого считал обязанным воспитывать, этот демократичнейший человек мог быть настоящим деспотом.

От них он добивался не просто повиновения, а радостного, с душой, выполнения его требований. Мог заставить жену выносить ночной горшок за неприкасаемым и укорять ее за недовольный вид. Мог наказать молодых обитателей своей Толстовской фермы за амурсы – объявив, что неделю будет поститься во искупление их прегрешений. Но когда парикмахер-англичанин отказался подстричь его и Ганди самостоятельно обкорнал себе волосы, да так, что на него нельзя было смотреть без смеха, – то парикмахеру он оправдание нашел:

«Парикмахера нельзя винить за то, что он отказался стричь меня, – обслуживая темнокожего, он мог растерять клиентов. Мы же не разрешаем парикмахерам обслуживать наших неприкасаемых братьев. Я был наказан за это в Южной Африке – и не один, а много раз, – и убежденность в том, что это кара за наши собственные грехи, уберегла меня от гнева».

Южноафриканские сатяграхи привели к успеху: власти пошли на целый ряд уступок, которые значительно облегчили положение индийской общины. Имя Ганди получило известность в мире, его мысли, его практику ненасильственной борьбы поддерживали «властители дум» эпохи: Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Олдос Хаксли.

В 1915 году из Южной Африки уехал уже Махатма Ганди.

Дом или мир?

Махатмой, великой душой, его первым назвал Тагор: «великая душа в рубище нищего». Индия мгновенно подхватила это имя. Сам Ганди предпочитал обращение Бапу – отец, ласково-почтительное обращение к старшему в Индии.

В 1919 году Ганди провел первую общенациональную акцию – *хартал*, или *закрывание лавок*, –

С Рабиндранатом Тагором. Шантиникетан, 1940 ▶

и назвал ее «ошибкой размером с Гималаи», ибо массы не удалось удержать от насилия. Вину за просчет он, как всегда, возложил на себя: «призвал народ к гражданскому неповиновению, когда он еще не был к этому готов». Гораздо успешней оказалась кампания бойкота английских товаров, в первую очередь текстильных. Ганди сделал ее символом *чаркху*, традиционную ручную прялку. По призыву Махатмы вся страна отказывается покупать английские товары, сжигая уже купленные или привезенные в страну.

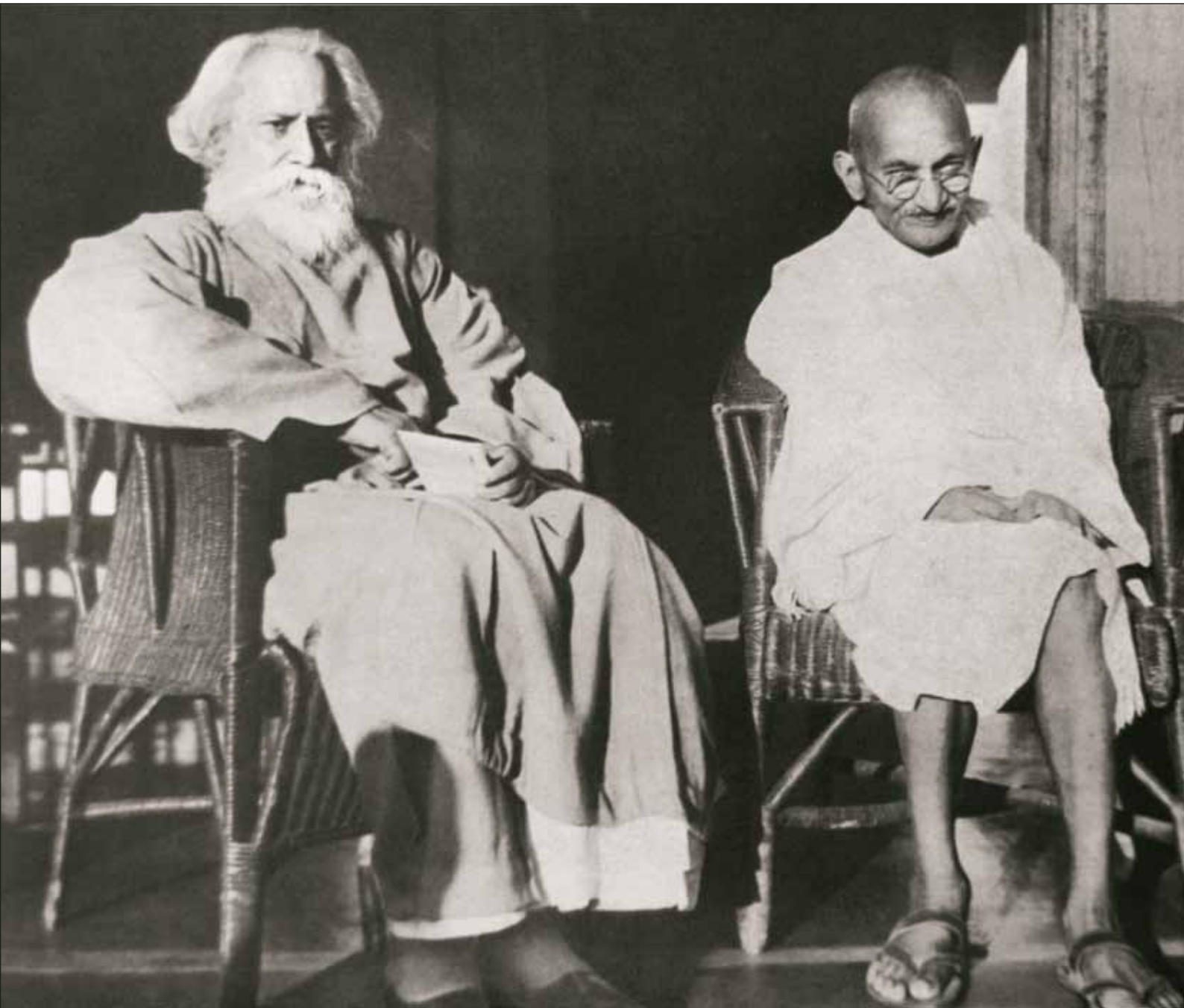
Успех кампании, патриотический порыв масс не мог не привести к отрицанию всего английского, да и всего иностранного вообще. Националистические настроения встревожили Тагора; между ним и Ганди развернулась полемика, смысл которой сохраняет актуальность и в наши дни.

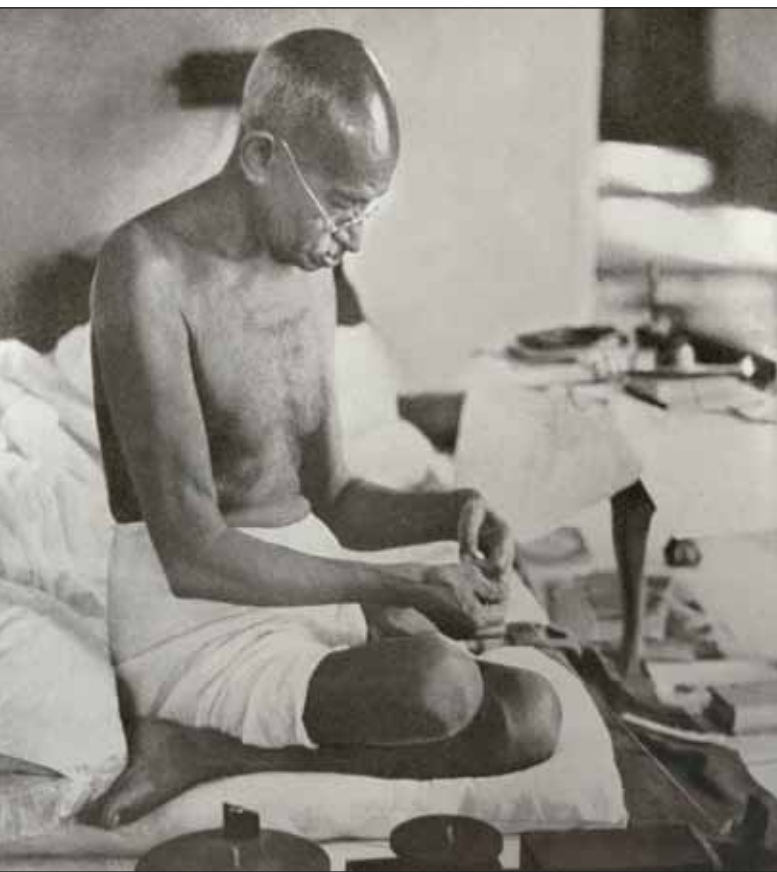
Этих двух великих людей, соединявших в себе Азию и Европу, связывали узы взаимного восхищения – при всем различии между ними. «По-

жалуй, никакие два человека не различаются так сильно, как Ганди и Тагор!» – говорил Неру. Ганди, считавший Тагора величайшим поэтом века, писал о нем: «Едва ли есть область общественной деятельности, на которой он не оставил бы отпечаток своей могучей личности».

Тагор сравнивал Ганди с Буддой: «Он встал у порога хижин тысяч обездоленных, одетый так же, как они. Он обратился к ним на их языке, здесь, наконец, была живая правда, а не цитаты из книг... В ответ на зов Ганди Индия вновь раскрылась для великих свершений, точно так же, как это было в ранние времена, когда Будда провозгласил правду сопереживания и сострадания среди всех живущих».

Но Тагору, который назвал созданный им университет *Вишвабахарати* – Всемирная Индия, а его девизом сделал санскритское изречение «Весь мир в одном гнезде», были чужды идеи национального превосходства, которые он усмотрел в гандист-

За прялкой. Бомбей, 1945

ских кампаниях. Не называя Ганди, Тагор высказал свою убежденность в необходимости культурного и интеллектуального общения Индии с внешним миром в статье «Встреча культур». Статья вызвала настоящую бурю негодования, но Тагор стоял на своем: «Все величайшие достижения человечества принадлежат мне. Беспредельная человеческая личность, о которой говорится в Упанишадах, может возникнуть только в величественной гармонии всех человеческих рас... Нынешняя попытка отделить наш дух от духа Запада есть попытка духовного самоубийства... Никакая нация не может обрести спасение путем отрыва от других. Мы все вместе должны быть спасены, или должны погибнуть вместе».

А что же Ганди? Неужели он занимал противоположную позицию?

Он отвечал: «Я не меньше великого Поэта верю в свежий воздух. Я не хочу, чтобы окна моего дома были наглухо закрыты. Я хочу, чтобы ветры всех культур свободно гуляли по моему дому, но не желаю, чтобы какой-то один сорвал крышу над моей головой... Моя религия это не религия тюрьмы. В ней найдется место самому жалкому из Божьих созданий. Но она противостоит оскорбительной надменности расы, религии или цвета кожи».

Последнее Ганди знал, пожалуй, лучше, чем Тагор. Знал, можно сказать, на собственном опыте. Но развернутый ответ Тагору он дал в статье под значимым заголовком «Великий страж». Он называет Тагора «великим стражем», чьи предостережения о нравственной опасности должны быть выслушаны с уважением. Но они безосновательны: «когда вокруг гибнут от голода, то мое единственное занятие – накормить голодных. Индия – это дом, охваченный пожаром».

Поэт живет завтрашним днем, и хотел бы, чтобы и мы поступали так же. Он представляет нашим восхищенным глазам прекрасную картину – утренних птиц, которые парят в небесах и поют хвалу бытию. Но птицы эти сыты, и парят они на отдохнувших крыльях, и в их жилах течет свежая кровь. А мне приходилось видеть птиц, неспособных шевельнуть крылом от слабости. Под индийским небом человек встает более слабым, чем ложился. Для миллионов это вечное бдение или вечная мука... Дайте им работу, чтобы они могли есть!.. Пусть Тагор прядет как все. Пусть он сожжет свои заграничные одежды, это обязанность, долг каждого. Бог позаботится о завтрашнем дне».

Комментируя полемику двух великих индийцев, Ромен Роллан заключает: «Мрачные и трагические слова! ...Нищета мира восстает против мечты о прекрасном и взывает: “попробуй отрицать мою нужду!” Кто не сочувствует страстному чувству Ганди, не разделяет его? Но все же есть в этом ответе – столь гордом и столь резком – нечто, оправдывающее опасения Тагора: на поэта, как на человека, налагается обет, он обязан беспрекословно повиноваться дисциплине общего дела... Повинуйся без колебаний закону *свадеши*, первая заповедь которого: пряди!»

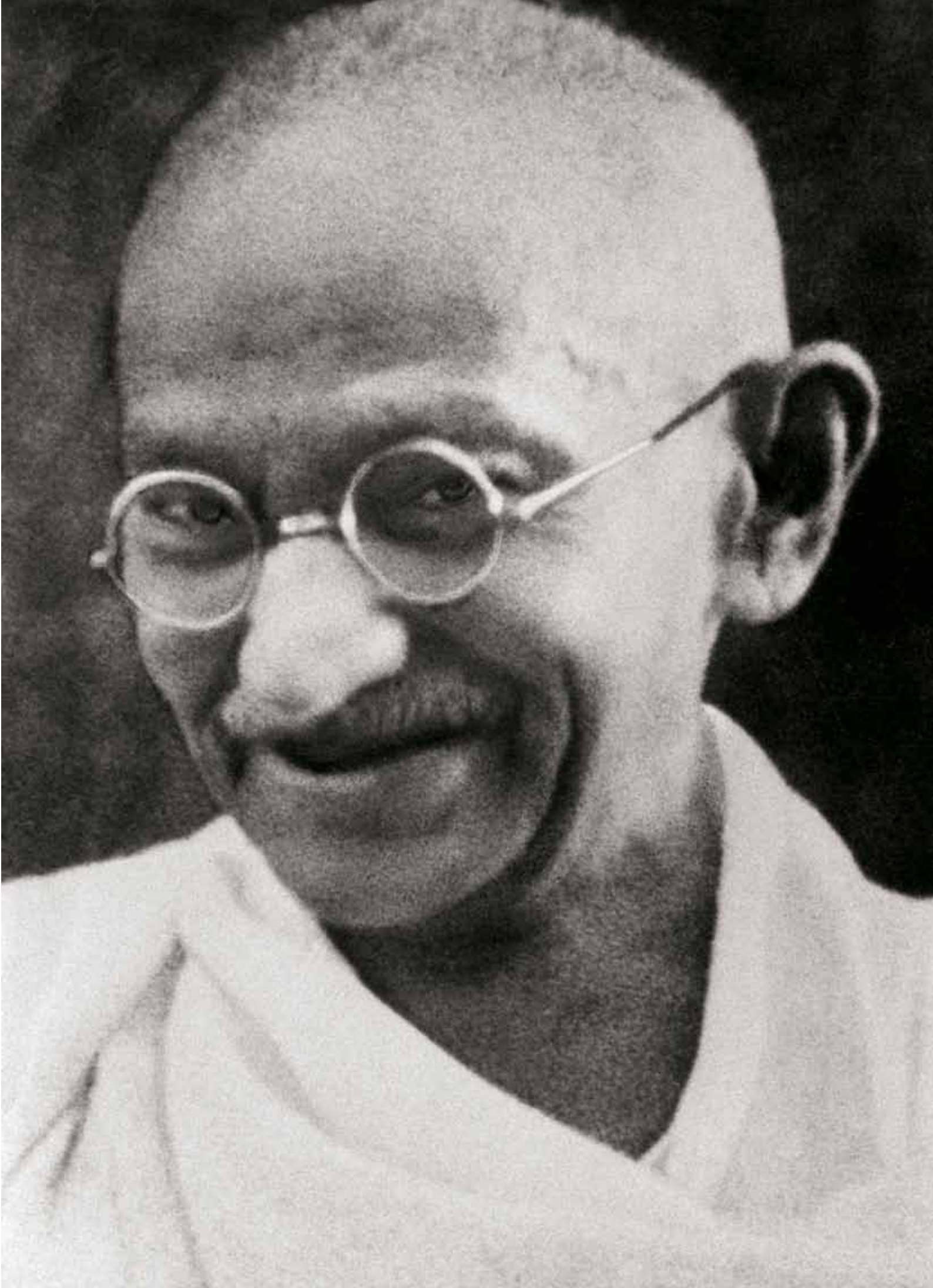
Тагор удалился к себе в Шантиникетан, не ответив Ганди.

Ромен Роллан подытожил полемику: «Тагор прав – с точки зрения вечности».

С именем Бога

Тридцатого октября 1948 года. День, как обычно, начался в половине четвертого утра с омовения и молитв. Потом – корреспонденция и встречи. Он любил пунктуальность и давно приучил себя тщательно планировать время. Вечером – непременно молитвенное собрание, потом серьезный разговор с Неру по поводу трений, возникших в руководстве Конгресса.

С помощью Ману и Аблы, своих внучатых племянниц, которых он называл «мои костыль-

С внучатыми племянницами Ману и Абла

ки», сошел по ступенькам к собравшимся на лужайке в ожидании молитвы. Сняв руки с плеч девушек, приветственно соединил ладони перед грудью.

Ману чуть отстранила пробившегося к нему крепкого молодого мужчину. Тот опустился на колени – и в упор трижды выстрелил в Ганди.

«Хаэ Рам», – выдохнул Ганди, падая на землю.

Так закончилась его земная жизнь. С именем Бога на устах.

Стрелял Натхурам Годсе, брахмин из Махараштры, член шовинистической индусской организации «Раштрия Севак Сангх». Через год его повесят, несмотря на старания Неру и сыновей Ганди добиться замены смертной казни тюремным заключением. Допустил бы Махатма казнь своего убийцы?

Погребальная церемония состоялась на берегу Джамны. Свыше миллиона граждан свободной Индии много часов безмолвно простояли под палящим солнцем в ожидании кремации. В четыре часа сорок пять минут пополудни сын Ганди, Рамдас, поджег погребальный костер. Вспыхнуло сухое сандаловое дерево, осыпанное ладаном, языки пламени слились в огненный столб. Тело Ганди обратилось в пепел.

А в Махараштре в это время пылали другие костры: мстители за убийство апостола ненасилия

поджигали и громили брахминские дома, убивали ни в чем не повинных людей... Общинному сознанию чужда мысль о личной ответственности – за вину одного должна расплачиваться вся община. Это проявилось в 1948 году и повторилось в 1984-м, когда после гибели Индиры Ганди, убитой ее охранниками-сикхами, вспыхнули сикхские погромы.

Пятнадцатого августа 1947 года над Красным фортом в Дели впервые взвился трехцветный флаг свободной Индии. В Пакистане было поднято зеленое знамя ислама.

Ненасильственная революция, «мирное восстание» 400-миллионного населения Индостанского субконтинента, которое привлекало к себе изумленное внимание мира, закончилось взрывом чудовищного насилия. Через новенькую границу, отделившую Индию от Пакистана, хлынули нескончаемые потоки беженцев, мусульман, ищущих спасения в Пакистане, и встречные потоки индусов и сикхов, убегающих от погромов в Индию. Никто не знает точного числа жертв раздела, но счет ведется на миллионы жизней.

Ганди отказался выступить с посланием ко дню провозглашения свободы Индии и выделившегося из нее нового государства Пакистан. 15 августа он провел в посте и молитве в труппном райо-

не Калькутты, приходившей в себя после страшной индо-мусульманской резни, которую он сумел остановить. Но не в его силах остановить гражданскую войну на религиозной основе, бушующую в разделенной стране. Его голос больше не слышен. Толпы на улицах скандируют: «Ганди мурдабад! Смерть Ганди!»

И это были *его* люди, те самые, которые десятилетиями добровольно следовали за ним, терпя лишения, теряя имущество и работу, отказываясь от уплаты налогов, бойкотируя британские суды и учебные заведения, требуя ареста за неповиновение британским законам. Ведь Ганди никогда в жизни не занимал официальных постов, не возглавлял никакой аппарат власти, его лидерство опиралось исключительно на его личные качества, но едва ли история знает другого человека, который в течение столь долгого времени вел за собой такие огромные людские массы одним только личным примером и умением передать забитым, темным миллионам свою убежденность в том, что лишь ненасильственные методы борьбы могут дать Индии достойную свободу.

Теперь Ганди должен быть ответить за раздел страны и за ужасающее кровопролитие, сопровождавшее рождение отдельного государства мусульман.

Разделу Ганди противился сколько мог, вел нескончаемые переговоры и с индийскими лидерами, и с англичанами, но потерпел поражение.

Хуже того, Ганди стал врагом и мусульман, и индусов. До раздела «его поносили мусульмане как своего заклятого врага, коварного индуса, притворяющегося другом, чтоб одурачить их. Теперь индусы видели в нем Мусульманина № 1... Он стал для них “пятой колонной”, он не Мохандас, а “Мохаммед” Ганди!» – писал Кришна Крипалани в своей книге «Ганди, его жизнь».

Ганди чувствовал себя одиноким и говорил об этом друзьям и единомышленникам. К нему со всех концов мира шли письма с вопросами о причинах насилия в Индии. Его спрашивали: считает ли он свою миссию ненасилия все еще действенной для его страны и для мира? Размышляя об этом, он писал: «Я должен признать свое банкротство, но не банкротство ненасилия». И противопоставлял «ненасилие слабого», которое осуществлялось в Индии, «ненасилию сильного», пока неизвестного Индии...

Незадолго до смерти Ганди писал: «Единственная надежда для страждущего мира – это узкий и прямой путь ненасилия. Миллионы, подобно мне, могут потерпеть неудачу в попытке собственной жизнью доказать истину, но это будет их личная неудача, ни в коем случае не неудача этого вечного закона».

Ганди ушел из жизни, упорствуя в истине, ушел непобежденным, и оставил нам множество вопросов.

Главный вопрос – а что, если он прав?

На третий день после самадхи Махатмы Ганди